

Юлия Титова

ПО НАПРАВЛЕНИЮ К СВЕТУ

Julia Titova To The Light

The main theme is a critical observation of the social life of the era. What is this era? It is a space in which cinematography and reality are intertwined. You may well be lured into taking one reality for the other. A little background: the country in which the author was born was then part of the USSR. Now this land is called independent (Republic of Belarus); nevertheless, it is a Russian colony. When you start in such conditions, you don't know what is the importance of a certain view, a particular impression of private life. What is the importance of a particular impression which will later be elaborated on by another impression of privacy. As in the case of the Nazis, private life was carefully constructed for public consumption. What you will later learn about in the hard version. This is a very recent past, and this is one small human life. Not a movie. So, a Hollywood ending for this exciting story is unlikely. Take a deep breath.

Keywords: light, cinematography, privacy, Salihorsk, Belarus,

В настоящей трагедии гибнет
не герой – гибнет хор.
И. Бродский

При слове «кинематограф» у образованного постсоветского человека срабатывает рефлекс: «...важнейшим из искусств для нас является кино». Так сказать, возможность уйти в «глухую несознанку». Потому что слишком тяжело жить реальной жизнью – где все столь неприглядно и ужасающе бесперспективно. Особенно когда за окном мрачные времена созидания светлого будущего. Гораздо комфортнее заняться

сочинительством и вырабатывать полезные привычки. Важнейшим из навыков становится навык сочинять историю. Важнейшим из условных рефлексов – мимикрия. Особая игра – нельзя называть вещи своими именами. Кто первый проговорится, тот проиграл. Е-два...ранен...е-четыре...убит.

Пример частной истории: вы рождаетесь в стране озлобленных варваров и полуспятивших поэтов, в самом конце прекрасной эпохи. До вашего рождения здесь происходили удивительные вещи. Счет здесь идет на миллионы. Миллионными тиражами печатают книги и расстреливают людей. С бесплатным образованием, правом на труд и высокой духовностью. Можно одновременно играть на скрипке и упражняться в чистописании бесконечных «...довожу до вашего сведения...». И не испытывать никаких эстетических противоречий. В свободное от расстрелов время можно пойти в клуб, смотреть кино, участвовать в художественной самодеятельности, чтоб быть еще высокодуховнее. Ведь не зря же существуют великая литература, поэзия, проза, музыка и кинематограф, кинематограф, кинематограф... все заполнено кинематографом.

Вы пока об этом не знаете. Вы смотрите на мир, на соответствие пропорций и линии горизонта. Одним прекрасным днем вы приходите к мысли о невозможности дальнейшего существования вашей маленькой частной жизни без чего-то особенного. Одним прекрасным днем вы очаровываетесь магией кинематографа. В юности, одним прекрасным днем, так сказать, на заре своего существования, вы очаровываетесь этим навсегда.

Но почему-то вам в вашей частной жизни однажды становится не по себе. До удушливости. На всех уровнях пространства вам не нравится этот стиль. Когда отдельно взятый человек не ощущает себя отдельно взятым человеком. Делая первые шаги из семьи в общество, он жестким способом лишается индивидуальности. И дело, впрочем, не в способе. Какая разница, произойдет это грубо или изящно? Если все равно ваше слабое «я» окружено и прижато к стене. Вы не умеете защищаться, вы в нежном возрасте. Но в договоре с пространством вам не нравится несвобода. Вас не устраивает стилистика. И вам совсем не хочется вырабатывать условные рефлексы мимикрии и всяких там «эзоповых языков». И нужно разрешить эстетическое противоречие.

Потом происходит смена общественно-экономической формации. Как, собственно, и предупреждали школьные учителя.

Когда смотришь на мир, на пропорции и горизонт, эстетическое переживание рождает переживание этическое. И об устройстве мира хочется не догадываться, а узнавать. Хочется утвердить нравственные максимы и назвать не названное. Для себя, в своей частной жизни. И становится ясным, что искусство не способно изменить человеческую природу. У него другие задачи. Человеку зачем-то необходима эта рефлексия, материализованная из сознания в художественные формы личной свободы. На чистых пространствах бумаг, холстов, нотных листов и киноплёнки.

Одним прекрасным днем в твоей жизни появляется фильм, в котором ты автор. Ты точно знаешь, что тебе нравится и что тебя не устраивает. Ты становишься источником всех законов и мерилом всего. Тебе нужно во что бы то ни стало разрешить эстетический конфликт, и сработавший рефлекс, как поворот ключа, замыкает созидание невозможностью иного действия. И это неизбежно, как надвигающаяся весна. И одним прекрасным днем ты держишь в руках бумагу с отпечатанным текстом, рассматриваешь надпись «...анимационная студия, с одной стороны...». И ты – с другой стороны, ты, жаждущий созидательной работы. Определенную часть своей жизни ты с утра до ночи собираешься посвятить искусству, выросшему из забав с оптическими игрушками королевских научных обществ. За окном отвратительная эпоха. За последние два десятилетия на твоих глазах происходит гибель богов, а точнее, гибель хора, как сказал поэт. «Анимационная студия, с одной стороны» – это уже давно мертвый циклоп с разбитым глазом. И если убийство циклопов осуществил Аполлон, по прозвищу Феб, златокудрый бог света и покровитель искусств, я нахожу это полностью соответствующим законам жанра. Правда, немного грустно, что никто не слышал скрежета битвы.

Падший циклоп умирает тяжело, и, как в плохой опере заколотый тенор поет и поет предсмертную арию, «анимационная студия, с одной стороны» в дарвинистском порыве производит какие-то проекты. Случай частной истории: студия как асфиктический организм производит проект с названием «Аповесть минулых гадоў». Мне как автору интересна эта тема. Предполагался сериал с историческим оттенком, цикл коротких мультфильмов о происхождении и символике гербов беларуских городов. В принципе, после просмотра этого скромного экранного эскапизма, в итоге некоторых размышлений, может прийти мысль о магдебургском праве. Хотя эта бедная земля пропитана страхом, как талый снег пропитан собачьей мочой. Мысль о том, нужна ли в самом деле этому краю его символика, пусть даже сведенная к еще одной форме визуального удовольствия, на фоне безвкусной эпохи выглядит почти безнравственно. Настолько пространство безразлично к стилю. «Анимационная студия, с одной стороны» собирает художественный совет и задает вопрос: почему вы решили делать фильм на эту тему? Мне нечего сказать, кроме того, что это было случайностью. Есть какие-то обстоятельства, ты находишься в них, и ты действуешь. Не потому, что что-то этим хочешь сказать. Когда начинаешь работу, об этом вообще не думаешь. Почти всё вокруг на данный момент сформировано случайным образом. Обваливающиеся печальные темные коридоры, какие-то снующие люди со смешными названиями должностей, массивная входная дверь и табличка с надписью «Киностудия “Беларусьфильм”». Здесь намагниченные поля в «монтажках» и здесь создают мифы. И каждый раз, открывая дверь киностудии, я будто делаю шаг в прошлое, в буквальном смысле. Однако вся эта уходящая натура вызывает в сердце священный трепет и уважение. Пока еще беларусьфильмовское здание не знает своей бедной участи: через пару лет, после

дурацкого ремонта, оно будет выглядеть, как после лоботомии. И пространство пока еще не по уши погружено в гнусную стилистику последующих неокOLONиальных преобразований. И пока в этих обстоятельствах, в этой точке пространства нахожусь я. Есть что-то важное, что не случайность и что привело меня сюда, – это род занятий. И все.

Я нахожусь во втором десятилетии XXI века. Мне надо сделать одну короткую серию из исторического цикла. Меня посетила простая мысль о том, что история – это не только прошлое. Мой выбор был чисто эстетическим – советский город Солигорск. Потому, что это город шахтеров, красивый образ, и потому, что построен в новейшей истории. Никаких глобальных смыслов, никаких исторических параллелей. За этим даже нет легенды в привычном понимании мифического предания. Но есть красота жанра. Сам по себе советский миф – богатая стилистическая почва, кто бы там что ни говорил. Самодостаточность любой легенды и любой истории еще не есть основание к самодостаточности произведения искусства, каким вы собираетесь сделать ваш фильм. Я думаю, нельзя просто брать и переносить на экран иллюстрацию. Даже если она очень правдиво выглядит. Этого вообще не стоит делать в кино, а в анимационном, думаю, особенно. Потому что здесь присутствует важный пласт, огромное влияние оказывает драматургия изображения. Она вплетена в плоть фильма и существует вместе с драматургией повествовательной, как вены с артериями, и так же поддерживает жизнь фильма. Если нет какой-то пластической идеи, не знаю, стоит ли и начинать.

Мне не пришлось долго искать: растиражированная в учебниках живопись Александра Дейнеки с детства предстала взору каждого советского ребенка. И это вросло в жизнь. Даже приобретало вкус под флером романтики. Соцреализм ведь очень питательная среда в эстетическом смысле. И в эстетическом смысле он родственен нацистской стилистике. Эпос, героика, вечность. А тут «Солигорск – город шахтеров». Мускулистые советские зигфриды, занятые перепланировкой земной тверди, в своем труде почти сопоставимы с вагнеровским величием борьбы против заклятия нибелунгов. Несмотря на географическое захолустье. Есть что-то сюрреалистическое в образах brutальных людей, пронзающих непознанную бездну светом фонариков на головах. Когда простой, советский, смертный человек несет в темноту свет, сильнее ощущается дерзость деяний. Все-таки человеку свойственно стремиться к свету. Хотя с шахтерами происходит, в каком-то смысле, обратная история: они сначала погружаются в тьму. Потом из потревоженных недр усталые человеки поднимаются наверх, в направлении света. Наверх, к своим мечтам, ко всем своим идеям, начертанным на заскорузлых фанерных щитах, к фотографиям современников с перепуганными лицами на досках почета, к плохо одетым женщинам, к партсобраниям – и все это в масштабе 10:1. Ведь основной имперский масштаб – монументальность. Советский строй чуял каким-то инстинктивным историческим чутьем,

что все в нем – миф, и потому, наверное, стремился запечатлеть и размножить себя в самых монументальных формах. Рядом со всем этим частному высказыванию, частной жизни и обыкновенной частной истории просто не было места. Пространство укладывалось всегда в эпический профиль: шахтеры-сверхчеловеки лезут вглубь земли. Перекраивают по-живому все ее внутренности. На верху искромсанного земного тела строят себе бесчеловечный город, в котором потом устало живут грубой жизнью, и смотрят на деяния свои с близкого расстояния, где в измененном пейзаже глазу нелегко различить радости рабски-героического труда. И захлебываются надеждой.

Ведь человеку свойственно стремиться к свету.

Вернемся к самому фильму. К получившемуся материалу, так сказать. Кстати, «материал» как определение сделанного фильма на профессиональном жаргоне представляется мне довольно точным по сути. Это и есть то, из чего он сделан. Текст из моей режиссерской заявки: «...фильм по форме предполагает несколько мизансцен, отражающих события возникновения города Солигорска, и художественно-пластическое преобразование этих событий в графические элементы герба города». Собственно, все так и есть. Здесь практически полное описание, у меня короткий метраж – 2 минуты, и потому в кадре наблюдается довольно камерная история: приехали люди, начали строительство, пробрили шахты, выбрались наверх. Дальше – «художественно-пластическое преобразование». Вот для этого самого художественно-пластического преобразования каждый кадр требует точной интонации. Не в смысле проповеди, а, скорее, изобразительной. Нужно найти развитие пластической идеи и привести всю эту динамику к какому-то итогу, и каждый художник знает, насколько это непросто. У меня там какой материал? У меня опора – живопись Дейнеки. И у меня строители светлого будущего. Мне надо сбить градус, чтобы не свалиться в пафос. Поэтому картинка в кадре слегка смахивает на комикс – ракурсы, распределение светотени. И соответствующие персонажи. В Солигорске, в самом городе, есть скульптура – бетонно-медный шахтер. Статуя просто фантастическая, шахтер похож на пришельца. В художественном смысле это отличная форма, как раз то нужное воплощение, в которое можно уместить и всю эту историю, и всех этих мифических суперменов с отбойными молотками. И есть человеческая драма, стоящая за всеми этими событиями. Но здесь во что бы то ни стало нужно превратить драму в «*dramma giocoso*». Глупо, если в финале повисает нота скотской серьезности. Поэтому в финале фильма статуя шахтера «оживает» и делает медленное движение вперед. Такая своеобразная неотвратимость пушкинского Командора. Мне надо одновременно и создать, и разрушить миф. Это вопрос, конечно, личного отношения, личного восприятия.

Но в сущности, чтобы завершить общее мифологическое безумие, должен этот советский Голем сделать шаг.

M'invitasti, e son venuto.

По направлению к свету

Кадры из фильма

